

Н. Н. СТРАХОВ И К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН: ВЗАИМНОСТЬ КРИТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

Темой статьи являются отношения Н. Н. Страхова и К. Н. Бестужева-Рюмина, идейных лидеров умеренно-консервативной элиты «реакционной» эпохи, выступавших за естественное и национально-самобытное развитие российского общества. Сопоставление материалов эпистолярного и философско-научного наследия, прояснение биографического контекста позволяет существенно уточнить смысл этих документов, вернее понять мотивы и лежащие в их основании устойчивые личностные характеристики этих малоизученных персонажей русской интеллектуальной истории. Центральной фигурой анализа является Н. Н. Страхов, в котором обнаруживается тщательная герменевтическая забота — способность без лицемерия, не теряя себя, тонко подстраиваться под характер и своеобразие установок собеседника.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин, русская философия XIX в., понимание, наука, образование, психология.

E. N. Motovnikova

*Nikolai Strakhov and Konstantin Bestuzhev-Ryumin:
the reciprocity of critical understanding*

The subject of the article is an elaboration of some hermeneutical and polemical aspects of Russian intellectual history personified in Nikolai N. Strakhov and Konstantin N. Bestuzhev-Ryumin. They both acted as thought leaders of the moderately conservative elite in “reactionary” age, the speakers for natural and national original development of Russian society. To compare of all their research materials and epistolary philosophical and scientific heritage is to be clarified the biographical context and in turn it helps to clarify the meaning of these documents, or rather to understand the motives behind them, and the basic personal characteristics of these indispensable and little-known participants of Russian intellectual history. The central figure of the comparative analysis is N. N. Strakhov with his hermeneutic care to foster an ability to turn himself to the character and identify the uniqueness of companion settings, without any hypocrisy or losing.

Keywords: Nikolai Strakhov, Konstantin Bestuzhev-Ryumin, Russian philosophy of the XIX century, comprehension, science, education, psychology.

* Мотовникова Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, molena64@mail.ru

Мы не располагаем сколько-нибудь полными, современными биографиями Н. Н. Страхова (1828–1896) и К. Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897), двух многолетних собеседников и соратников по позднеславянофильскому движению. И Страхов, и Бестужев, имея безусловно высокую репутацию среди русских мыслителей второй половины XIX столетия, никогда не претендовали на теоретическое лидерство среди них. И оба, каждый в свою меру, выражали глубинное, искреннее смысловое течение своего века — критическое и полемическое отношение ко всеобщим теориям и окончательным теоретическим выводам.

Сосредоточиться на понимании их смысловой близости позволяет одно из писем [10], написанное Н. Н. Страховым К. Н. Бестужеву-Рюмину летом 1879 г., при подготовке ко второму учебному году знаменитых Бестужевских женских курсов (о подвижнической работе Бестужева при организации курсов см. [6, с. 115; 4]). Бестужев-Рюмин обратился к Страхову с просьбой об участии в весьма необычном проекте, за осуществлением которого следило так или иначе все российское общество. Бестужеву хотелось видеть в коллективе преподавателей курсов педагога, «вполне знакомого с успехами европейской науки, умевшего оценить ее с своей оригинальной точки зрения, не подчиняясь ничьему авторитету, но глубоко оценивая все авторитеты» [2, с. 117]. Бестужев знал исключительную научную эрудицию Страхова, блестящий литературный стиль и редкостное благородство манер еще со времени активной работы их обоих в петербургской журналистике 60-х гг. [см.: 2, с. 114, 116], хорошо был известен и страховский многолетний опыт преподавания в гимназиях.

О том, что Н. Н. Страхов был хорошо обдуманной и очень желательной кандидатурой, свидетельствует, прежде всего, продолжительность бестужевских уговоров. Сам Страхов в первых строках своего письма говорит, что, во время летних разъездов «имея много свободного времени, давно основательно решил, что откажусь от лекций психологии» [10, л. 2.]. Переписка Н. Н. Страхова с Л. Н. Толстым позволяет уточнить время размышлений: 11 апреля 1879 г. Страхов сообщал: «...меня звали в женские университетские курсы, открытые в нынешнем учебном году, — читать психологию. Я сказал Бестужеву, который меня приглашал, что я не смею ему отказать, но постараюсь отказать» [8, с. 217–218]. Таким образом, мысль о работе на курсах обдумывалась им более трех месяцев.

За год до этого приглашения К. Н. Бестужев-Рюмин прочел фундаментальную статью Страхова «Об основных понятиях психологии» [12], и она ему очень понравилась. Страхов в последующие годы продолжил разрабатывать естественнонаучное обоснование своей органической антропологии в статьях «Об основных понятиях физиологии» (1883) и «Главная задача физиологии» (1886). Из этих работ сложилась книга «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886), на которую Страхов получил несколько серьезных положительных рецензий и о которой писал полушутя своим друзьям, что «за эту книгу меня следовало бы сделать доктором философии и членом Академии наук» [8, с. 337, см. также: с. 338, 342; 9, с. 325, 423–424 и др.].

Но в 1878 г. Страхов был совершенно не доволен реакцией на свою первую статью, в том числе и восторженным откликом Бестужева, о чем сетовал в письме Толстому 3 июня:

Больше всего меня хвалил здесь профессор К.Н. Бестужев-Рюмин, конечно, самый образованный человек в Петербурге. Он очень носился с моею статьею, но это были общие похвалы; я видел, что он не понял моей смелости. Все они знакомы с философией каким-то внешним образом; одни Вы цените не как знакомый с философией, а как философствующий [8, с. 177–178].

29 августа 1878 г., вернувшись из отпуска, Страхов вновь возвращается к этой теме в переписке с Толстым и в качестве образца непонимания приводит отзыв К.Д. Кавелина в письме В.В. Стасову, которое Стасов переслал Страхову, а Страхов, в свою очередь, сообщает (переписывает) для Толстого:

...«В смысле изложения его работа не оставляет желать лучшего. Но что касается точки отправления и выводов, то я с ними расхожусь диаметрально. Страхов дуалист. Но дуализм при нынешнем состоянии знания совершенно немислим <...>. Чувствуется, что недалеко то время, когда <...> все недоразумения, которые как будто оправдывают усилия дуалистов, канут в Лету. Но во всяком случае к этой желанной цели невозможно подойти с точки зрения Страхова и идя с той почвы, на которой он стоит». И все. Вот Вам Кавелин во всем его великолепии. Ему кажется, что он рассуждает обо мне, а в сущности, он обо мне и думать не хочет [8, с. 183].

Такие предвзятые, общие, избегающие самостоятельного анализа оценки прочитанного всегда сердили Страхова. Очевидно, непонимание Бестужева было иного рода — возможно, он действительно не понял всей мысли и «смелости» статьи, но все-таки через год позвал автора преподавать психологию, а значит, увидел в нем настоящего знатока предмета. Страхов не мог не оценить этого признания и потому, наверное, писал Бестужеву: «...когда получил Ваше письмо и мне живо представились Вы, я опять почувствовал себя в величайшем затруднении; мне ужасно тяжело отказывать Вам» [10, л. 2]. Эпизод этот, думается, можно расценить еще и с точки зрения аргумента против встречающейся оценки страховской личности как эстетически центрированной; Страхов не лукавил, когда жаловался на «слабую, беспокойную совесть», заставляющую прежде всего избегать всяких несправедливых поступков [см.: 8, с. 165].

Почему же все-таки отказ?

Две причины располагали меня не отказываться совсем от вашего предложения: первая — Вы, вторая — честолюбие, — меня соблазняла роль профессора. Но затем других побуждений у меня нет, то есть нет самого главного и настоящего. Я не готов к курсу, у меня нет определенного взгляда на науку, который бы я хотел излагать [10, л. 2].

Удивительна искренность и простота этих признаний Страхова, как и доверие адресату — свидетельство самых дружеских отношений и сознательной линии поведения в отношениях с близкими по духу людьми (о стремлении к искренности в мышлении в связи с исследованиями Н.Н. Страхова см., напр., [7] и др. статьи этого автора). И сознание своей неготовности

к выходу на кафедру, несмотря на требование признания и понимания исследовательских заслуг, — тоже весьма нетривиально. По-видимому, Страхова не устраивало не только общее состояние психологии как науки, но в первую очередь собственный не вполне ясный отчет в некоторых постулатах метафизики души — тех самых, что обсуждались им и Толстым весной 1878 г., сразу после публикации статьи «Об основных понятиях психологии» и за год до приглашения на курсы. Л. Н. Толстой писал обстоятельно Н. Н. Страхову о своих впечатлениях от прочитанного:

Это ново, сильно, ясно и кратко. Но <...> я, не увлекаясь доказательством сочувственного мне, вижу еще недостатки в приемах доказательств. — И таковой недостаток я вижу вот в чем. «Субъект не может быть объективирован = познан», а вы делите субъект на познание, чувство и волю. Для деления нужно познание. — И верно ли это деление. Если допустить это деление, то из него одного уже будет выведено многое. А это деление есть та же объективация, которую вы под шумок, тайно хотите пропустить туда, куда вы совершенно справедливо не пропускаете никакого познания. Истина, добро, свобода являются вдруг на место мысли, чувства и воли. И делаются вместе и субъект, и объект. Если допустить деление, то вы сами говорите, что мысль, познание, субъект предполагает истину, не как объект (объект есть материя), а как что-то еще более общее, чем познание, то же в отношении добра и свободы. Что же это такое? И откуда я имею это понятие?

Основа всякой деятельности суть мысль, чувство, воля; ни того, ни другого, ни третьего я не могу понять без истины, добра, свободы; стало быть, прежде всего нужно согласиться, что есть истина, добро, свобода. Это самое и делают все люди и никогда не сходятся, исключая в единственной области веры. А не сойдясь в понимании истины, добра, свободы, не может быть и никакой психологии.

Заслуга ваша в том, что вы доказали, что философия-мысль не может дать никакого определения этим основам духовной жизни, но ошибка ваша в том, что вы не признаете того, что основы (если они — основы) необходимо существуют, и такие, в которых мы все сходимся, и такие, которых мы — по вашему же определению — разумом, вообще своей природой, ни откуда взять не можем, и которые поэтому даны нам [8, с. 175–176].

В ответ Страхов признавал:

Возражения Ваши попали прямо в цель. Первое (о делении на ум, чувство и волю) было то самое, которое я сам себе задавал. Я немножко слукавил — нужно бы было сделать оговорку — да трудно было. Но я сознательно обошел этот вопрос. Я хотел прежде всего захватить твердые и чистые места, а уже потом с этих мест расчищать остальные. А Вы справедливо указываете, что тут глубочайшая задача.

Второе — об основах истины, добра и свободы — я тоже предлагал себе, но в другой форме. Дайте подумать, прежде чем отвечать Вам [8, с. 178].

В окончательном книжном варианте 1886 г. суждения Страхова об основах психологии остались на этом же уровне достижений и границ, в тех же формулировках. В философско-научной области Страхова, как и Бестужева-

Рюмина, не беспокоила нерешенность трудных задач, они вполне понимали бесконечность познавательной работы, и содержательной, и методологической. Не было у Страхова и неприязни к педагогической работе — напротив, была тяга к разъяснению основ. «...Я предпочел бы самый глухой и безлюдный Университет, где на мне не лежало бы никакой задачи, кроме руководства молодых людей в изучении науки» [10, л. 2–2 об.], — продолжает Страхов свои признания в письме к Бестужеву-Рюмину. Так именно, в качестве научного руководителя, много работал и сам Бестужев-Рюмин, воспитавший таких выдающихся учеников, как С. Ф. Платонов, Е. Е. Замысловский, Е. Ф. Шмурло [см.: 6; 5]. Но Высшие женские курсы, призванные предотвратить массовый отъезд россиянок за образованием за границу, создавались прежде всего не ради развития академической науки, а как проект просвещения женщин разных статусов и познавательных интересов,

А в «Курсах», согласитесь, задача напрашивается сама собою; так или иначе лекции постоянно будут принимать полемический характер, или я должен буду воздерживаться и лавировать; так или иначе, от меня потребуется отвечать на существенные вопросы [10, л. 2 об.].

Страхов всегда любил полемики, считал их необходимой формой выяснения вопроса во всей его возможной полноте, но только при условии, что и у него самого была ясная и твердая позиция, и оппонент обладал по-своему авторитетной точкой зрения. Курсы предполагали другой полемический контекст.

Не забудьте при этом, что у меня сквернейшая репутация. Если мои слушательницы заинтересуются моими лекциями и прочтут мой «Женский Вопрос», то мне от них может очень достаться. Да не упрекну ли и Вас, что взяли такого ретрограда? Как нарочно, перед самым отъездом из Петербурга я выслушал величайшие ругательства на этот «Вопрос» от Вл. Стасова, который в последнее время все изучает мои произведения, и некоторыми даже доволен, но тут пришел в такую ярость, что нельзя было ничего понять из того, что он говорил [10, л. 2 об. –3].

Мнение В. В. Стасова, человека передовых взглядов, брата одной из попечительниц Высших женских курсов, было весьма показательным, и Страхов не зря опасался эмансипированной аудитории курсов. «Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины”» был написан им как раз во время открытия самых первых (Аларчинских) женских курсов (1869/1870 учебный год) и опубликован сначала в редактируемой Страховым «Заре», а в 1871 г. — отдельным изданием. (Как раз в это время К. Н. Бестужев-Рюмин начинает читать лекции по русской истории на публичных Владимирских курсах, послуживших прообразом его будущих Высших женских курсов.) В статье этой Н. Н. Страхов показывает неудовлетворительность поверхностного подхода Милля к женскому вопросу, а именно: «глупо» объяснять подчиненное положение женщины превосходством мужчин в физической силе и провозглашать равноправие, основанное на якобы отсутствии умственных и нравственных различий между мужчинами и женщинами.

Человечество засвидетельствовало, что оно гораздо лучше, чем о нем думает Милль. Чистота девы, любовь жены, чувства матери — составляют предмет благоговения мужчин, перед которым они преклоняются и который охраняют часто гораздо ревностнее, чем всякую власть и всякий закон. Отношения между полами, эти таинственные и многозначительные отношения, — источник величайшего счастья и величайших страданий, воплощение всякой прелести и всякой гнусности, настоящий узел жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие, — эти отношения упущены из виду Миллем и не внесены им в женский вопрос. Это значит — философ выпустил из рассматриваемого явления самую существенную его сторону, и думал, однако же, понять и объяснить явление [11].

«Ретроградство» Страхова проявилось в этой статье в том, что он был уверен, что органические различия между мужчинами и женщинами как в физиологии, так и в нравственной и умственной жизни — это «вечная истина», и потому нужно не спорить с нею, а напротив:

Общество должно свято хранить женский идеал и давать всякий простор его раскрытию и его осуществлению. Но это делается не столько законами и правами, сколько тем духом, в котором заключается внутренняя сила общества.

Что же касается до прав и привилегий, то нельзя не пожелать от души, чтобы женщинам были открыты всевозможные поприща. Но для чего мы желаем этого? Это нужно, по нашему мнению, на случай несчастья, на случай неудачи в жизненном пути, на тот случай, когда женщине нужен какой-нибудь исход из бедственного положения. Жизнь человеческая полна несчастий. Девушка не нашла себе супруга, жена потеряла мужа, мать детей. Прежде в таких случаях часто шли в монастырь; нынче Милль предлагает поступить в солдаты или добиваться места в парламенте. Что же? Когда некуда себя девать, когда жизнь разбита — казарма и парламент тоже годятся для того, чтобы как-нибудь скоротать свой век [11].

Встречая в литературной и журналистской среде мужчин и женщин самых разных взглядов и идеологий, закоренелый холостяк Страхов прекрасно осознавал пределы собственной толерантности и должен был иметь очень веские причины, чтобы согласиться работать в женской аудитории.

Не думайте, дорогой Константин Николаевич, что я прямой противник «Курсов»: я с умилением смотрю на Ваши труды и желаю им всяческого успеха. Но для такого дела нужны именно Ваши качества: Ваше несравненное благодушие и Ваш действительный либерализм, действительная терпимость чужих взглядов — черта необыкновенно редкая, почти нигде не существующая. Куда ж тут мне, несчастному, соваться! Я благодушен и терпим почти только в теории; и мне пришлось бы постоянно бороться с своим раздражением и воздерживаться от резких суждений [10, л. 3].

«Терпимость в теории» — двусмысленное выражение Страхова, с которым можно согласиться в обоих смыслах. С одной стороны, к Страхову-философу вполне применимо суждение Е. Ф. Шмурло о преподавательской манере Бестужева-Рюмина:

Научный скепсис и недоверчивое отношение к теориям вообще идут у него рука об руку с заботливым желанием предохранить своих слушателей от соблазна *jurare in verba magistri*. В основу преподавания его легло строгое изучение источников, разбор чужих мнений, особенно спорных, осторожное взвешивание противоположных теорий [13].

А с другой стороны, многочисленные материалы его переписки показывают, что Страхову и за рамками всяких теорий, в оценках близких, знакомых людей свойствен критический, разоблачительный уклон. Даже по отношению к «бесценному Льву Николаевичу» Страхов порой очень критичен. Толстой это высоко ценил и был всегда благодарен за критику, а иные и обижались, как, например, еще один консерватор-славянофил К. Н. Леонтьев, писавший в конце жизни В. В. Розанову обидчиво и противоречиво:

...из Страхова никто ничего положительного не извлечет, у него все только тонкая и верная критика <...>. У него есть *три* кумира: Аполл. Григорьев, Данилевский и Лев Толстой. Об них он писал давно, много и настойчиво, о *двух первых* даже *он один*, и писал постоянно и *весьма мужественно*. И даже нельзя сказать, что он критиковал их: он только *излагал и прославлял* их [8, с. 343].

Это не вполне справедливо: у каждого из этих трех выдающихся писателей, которых он, прежде всего, любил как прекрасных людей, Страхов ясно видел и указывал при необходимости очень точно их слабые места (например, в ходе обсуждения с Н. Я. Данилевским все той же своей статьи об основных понятиях психологии Страхов пришел к выводу, что «понятие сознания для этого умнейшего человека совершенно недоступно» [8, с. 187]), несмотря на взятую на себя и старательно выполняемую задачу защиты их идей и творчества от недобросовестной или просто непонимающей критики.

Но вернемся к письму с отказом от преподавания психологии. В завершение объяснений Страхов пишет: «И все бы это, наконец, ничего, если бы я чувствовал в себе силы исполнить как следует предлагаемое мне дело. Между тем я так боюсь все испортить, что это удваивает мою слабость» [10, л. 3]. Это еще один постоянный мотив страховских откровенных писем Толстому о своем «смутном и колеблющемся» существе [см.: 8, с. 162, 214 и др.]... «Как ни бывает тяжело на душе, и как ни ясно видишь себя, через несколько времени чувствуешь себя еще тяжелее и видишь еще яснее. Это походит на какой-то обман, которому нет конца» [8, с. 290]. Постоянная самокритика Страхова, его заниженная самооценка, неуверенность в себе, так контрастирующая с точной аналитической и эстетической способностью суждения, осознавались им на рациональном уровне, и, зная и чувствуя это, он был постоянно скептичен, прежде всего в отношении себя. Привычка к рефлексии и внимательное слушание всех отзывов (и «зависть» к Толстому, который не слушал и не читал), строгое различение своих сильных и слабых сторон — «я плохой корректор», но «сделаю корректуру лучше Вас» [8, с. 36]; «не имея почти вовсе творчества, я имею очень большую способность понимания» [8, с. 36–37]; «до проповеди, может быть, я никогда не дойду, хотя буду стараться» [8, с. 43]; «Недавно стал

читать одну немецкую книгу — сейчас же вижу насквозь, что глупость. Это очень приятно» [8, с. 50]; «...скука от того, что нет у меня настоящего дела, что я усиленно ищущу его и не нахожу» [8, с. 52–53]... — этот «разъедающий» разум, постоянная работа самопонимания усиливали слабость, о которой пишет Страхов, неуверенность в собственных знаниях. Страхов-полюемист никогда не сомневался, что сумеет показать слабость своих критиков и оппонентов. Но всегда умолкал, когда от него требовали представить свои собственные тезисы, никогда не прочел ни одной публичной лекции, предпочитая выступления в печати, частные беседы и переписку.

Не удивительно, что зная таким образом свой характер, Страхов искренне советует Бестужеву-Рюмину исключить себя из списка кандидатур на преподавание. «Уверяю Вас, что кого бы Вы ни пригласили, все лучше исполнят, чем я. Очень радуюсь, что Владиславлев оставил за собой *Логик*. Отчего ему не продолжить и *Психологию*?» [10, л. 3–3 об.]. Интонация в адрес Владиславлева может показаться несколько ироничной, если принять во внимание позднейшую психологическую теорию самого Владиславлева, наверняка вызвавшую у Страхова очередную «вспышку недоброжелательства», которые он тщательнейше скрывал, но нравственно глубоко переживал и всю жизнь с ними боролся. М. И. Владиславлев (1840–1890) сотрудничал со Страховым-журналистом во «Времени» и «Эпохе»; Страхов был свидетелем сложных отношений Владиславлева с Ф. М. Достоевским [см. об этом: 3]. Как профессор Владиславлев имел хорошую репутацию, а ввиду скромности и скрытности двух бывших семинаристов, Владиславлева и Страхова, их личные отношения — это вопрос, который вряд ли может получить разрешение даже со временем.

Подведя краткий итог и еще раз перечислив препятствия для своей работы на курсах в виде неподходящей репутации, «неохоты» и «слабой силы» [10, л. 3 об.], покончив на этом с неприятным личным вопросом, Страхов в конце письма затрагивает всегда более приятную для него тему книжных новинок.

Чичерина о *Религии* я начал было читать у Л. Н. Толстого, и хотел даже взять книгу с собой сюда, но пять-шесть страниц, которые я по жадности успел прочесть, поразили меня таким многословием, неточностью, отсутствием строгости мысли, что я отказался от книги. К Толстому она попала потому, что они на ты, и Чичерин прислал. Бог с нею! Жизнь коротка и время дорого, как говорит Шопенгауэр по поводу одного знаменитого сочинения, а мне и без того нужно много читать — я не умел, как Вы, вовремя прочесть все, что мне нужно [10, л. 3 об.].

Вероятно, о книге «Наука и религия» Л. Н. Толстой вспомнил и попросил у Б. Н. Чичерина по ассоциации со статьей Вл. Соловьева «Начала цельного знания», к которой несколько раз они со Страховым обращались при обсуждении религиозной темы в письмах в ноябре–декабре 1877 г. [см.: 8, с. 135–140]. К представителю «государственной» и «философской» школ в истории Б. Н. Чичерину, по свидетельству коллег Бестужева-Рюмина, он относился критически, не соглашаясь с приматом теоретической схемы государственной

централизации над детальным исследованием реальной многообразной исторической жизни российских народностей и племен [см.: 6, с. 125–126]. Критичность эта уравнивается, однако, признанием заслуг Чичерина, касающимся и упомянутой в письме Страхова книги:

Глубокие философские знания Б. Н. Чичерина не должны бы тоже оставаться забытыми: он первый познакомил нашу публику с историей развития государственных знаний, он представил обзор понятий о представительном правлении, который есть противовес ходячему восхищению правительством; в трактате «Наука и религия» он представил много веского в опровержение ходячему материализму. Только с почтением можно говорить о таких людях [1, с. 133].

(В этой статье Бестужев-Рюмин, между прочим, ссылается и на Н. Н. Страхова «с его необыкновенно тонким инстинктом», называет в качестве важных источников для суждений о западничестве его книгу «Борьба с Западом» и речь о Достоевском [1, с. 124]). Сравнение отношения двух критиков к труду Чичерина еще раз подтверждает правоту страховской интуиции о недостижимом «благодушии» и «истинном либерализме» Бестужева, готового не только «в теории», но и в ежедневной практике неумоимо служить высшим идеалам научного понимания и научной справедливости, которую «он видел в признании за каждым искренно и серьезно продуманным взглядом известной доли истины» [14, с. 135, цит. по: 6, с. 126].

Письма Н. Н. Страхова к К. Н. Бестужеву-Рюмину в архиве Пушкинского дома, среди которых находится и цитируемое нами письмо, свидетельствуют о том, что до самого конца жизни они дружили и регулярно виделись для общения и обсуждения всех значительных текущих событий, встречая друг в друге не просто образованного и хорошо информированного собеседника, но личность со сходным критическим и целостно-органическим пониманием главных жизненных ценностей — науки, литературы, отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестужев-Рюмин К. Н. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. С.-Петербург. 1884. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1885. — № 1. — С. 95–140.
2. Бестужев-Рюмин К. Н. Н. Н. Страхов. (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1896. — № 2, о. 4. — С. 114–117.
3. Владиславлев Михаил Иванович // Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества, 2012–2015. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Vladislavlev_M_I/
4. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897). URL: <http://spbu.ru/about/arc/chronicle/156.../421-b-estuzv-riumin>
5. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) // Биографика СПбГУ. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/20.html>

6. Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов (К 175-летию со дня рождения) // Вече. — 2004. — № 16–9. — С. 113–170.
7. Ольхов П. А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н. Н. Стрхова // Философия и культура. — 2010. — № 8. — С. 103–109.
8. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Стрховым. 1870–1894 / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. — СПб.: Об-во Толстовского Музея, 1914. — (Толстовский музей. Т. 2).
9. Переписка с Н. Н. Стрховым. 1877–1892 / Вступ. ст., публикация и коммент. Н. П. Генераловой // А. А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. — Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — (Литературное наследство. Т. 103.) — С. 233–550.
- Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Стрхов. К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Изд-во «Республика», 2001.
10. Стрхов Н. Н. — Бестужеву-Рюмину К. Н., 24 июля 1879 г. // ПД. — Ф. 25059/СЗХХХІІ.1. — Л. 2–3.
11. Стрхов Н. Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» // Заря. — 1870. — № 2, о. 2. — С. 107–149. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_zhensky_vopros.shtml
12. Стрхов Н. Н. Об основных понятиях психологии // Журнал Министерства народного просвещения. — 1878. — № 5, о. 2. — С. 29–51; № 6, о. 2. — С. 133–164.
13. Шмурло Е. Ф. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич // Русский Биографический словарь. URL: <http://www.rulex.ru/01020003.htm>
14. Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. — Юрьев, 1899.